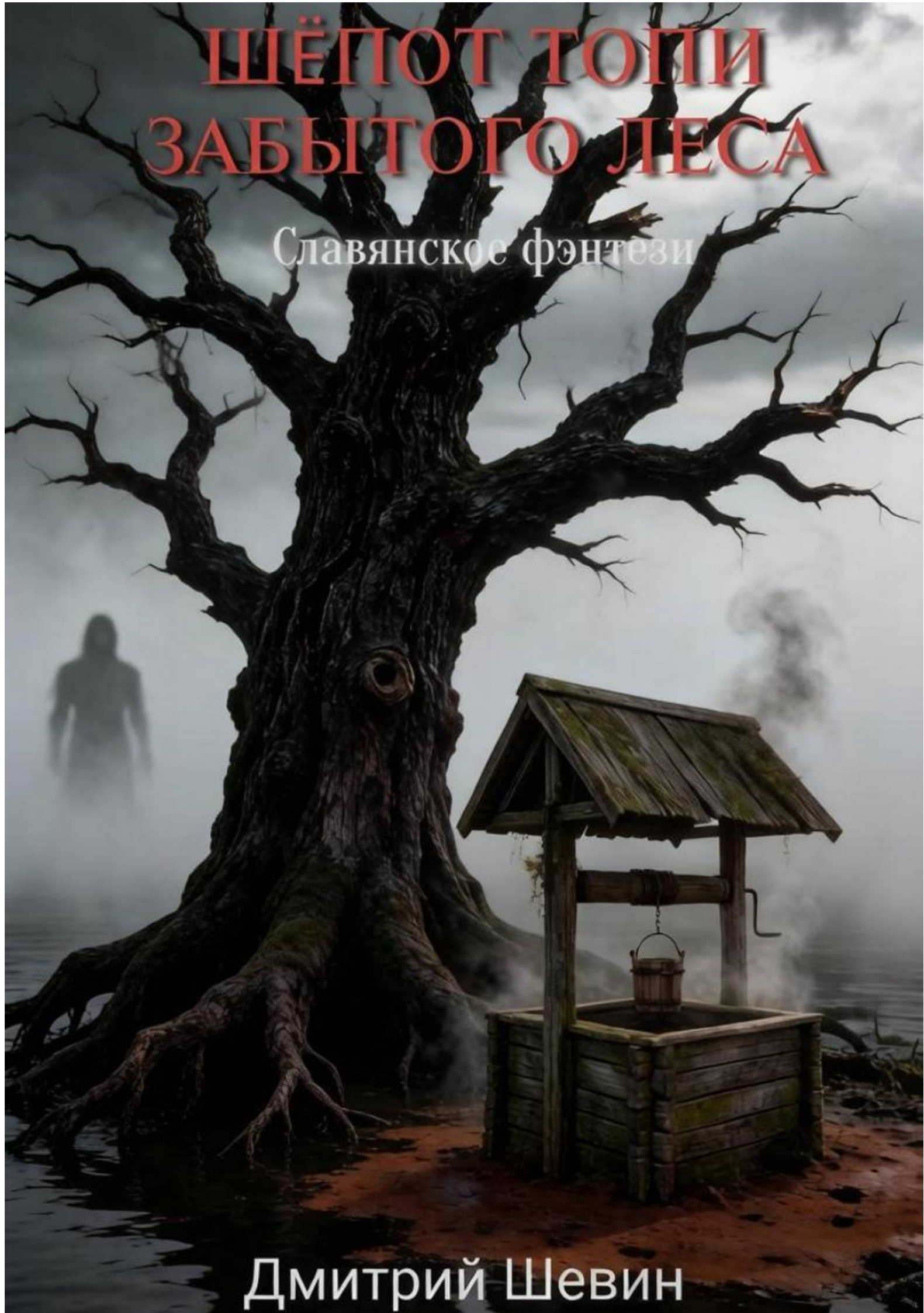

ШЁПОТ ТОПИ ЗАБЫТОГО ЛЕСА

Славянское фэнтези

Дмитрий Шевин

Дмитрий Шевин

Шепот топи забытого леса

«Автор»

2026

Шевин Д.

Шепот топи забытого леса / Д. Шевин — «Автор», 2026

Грех, совершённый топором, не смыть водой. Его смывают только кровью. В деревне Гласово, на краю Забытого Леса, не рубят деревья просто так. Обходят стороной брошенный колодец. Не беспокоят воду Озера Глаз. Но однажды человек поднял топор в Священной Роще — и мир дал трещину. Проклятие преследует род Степановых из поколения в поколение. Но первым расплачивается волхв, ставший Навником. Затем — его наследница, отдавшая молодость. Затем — воин, преданный князьями. Последнему из рода предстоит войти в самое сердце болота. Не чтобы убить. Чтобы признать вину. Или навсегда остаться там вместе с теми, кого его род погубил. Четыре части. Одна сага. Славянское фэнтези о тишине, которая помнит всё.

© Шевин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Часть 1 СЕРДЦЕ ЛЕСА	7
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дмитрий Шевин

Шепот топи забытого леса

Пролог

Когда-то мир не был таким, как сейчас.

Не было ни леса, ни воды, ни твёрдой земли. Было только Дыхание. Оно вдохнуло в Жизнь — леса, реки и холмы. В Смерть — холодные, бескрайние пещеры, которые простирались в тёмных глубинах земной тверди.

А между Жизнью и Смертью была пустота. И в ней зародилась Тишина.

Смерть питалась Жизнью, а Жизнь Смертью. Они нуждались друг в друге. Только Тишина не нужна была никому.

В той пустоте Тишину мучал голод. И она решила сначала попробовать Смерть.

Только Смерть всегда что-то взяв — отдавала взамен. Всё, что приходило к Смерти, что-то давало.

Тишина пришла, но ей нечего было дать — её суть была пустота.

Смерть не дала ей ничего. Голод стал мучительным. А Тишина стала ненасытная.

И она накинулась на Жизнь, жадно поглощая её.

Там, где прошла Тишина, оставались пустошь и пепел.

Тишина пила Жизнь и не могла насытиться. Чем больше она пила, тем сильнее становился голод.

Не уняв его, Тишина поглотила бы всё.

Тогда Дыхание выдохнуло троих. Они были его голосом.

Первый тянулся вглубь корнями и держал всё, что могло рассыпаться.

Вторая струилась, омывала и помнила всё, что проходило сквозь неё.

Третий знал, как сделать из конца начало.

* * *

Они окружили Тишину.

Первый оплёл её корнями и утянул вглубь — под толщу земли.

Вторая омыла её водами. Она сделала Тишину текучей — чтобы та перестала быть пустотой и стала частью потока.

Третий накрыл её вековым илом — тяжёлым, плотным, тёмным. Чтобы усыпить.

* * *

Но чтобы удержать Тишину, нужно было остаться с ней навсегда.

Так они стали стражами и пленниками Тишины.

Время над ними затянуло рану.

Там, где корни утянули Тишину вглубь, вырос лес.

Там, где воды омыли её, легли русла рек.

Там, где ил накрыл её, встали болота.

Дыхание стало как прежде. Оно текло — сквозь листья, сквозь воду, сквозь время.

Но в глубине, под корнями, под руслами, под толщей ила — спала Тишина.

И ей снился голод.

Три голоса знали, что разбудить Тишину может только воля.

Воля тех, кто однажды придёт в мир и решит, что ему принадлежит всё.

Кто сожмёт в руке железо.

Кто высечет искру, но не для костра.

Прошли века.

Над тем местом вырос дуб.

Могучий. С огромными корнями, уходящими так глубоко, что не дотянуться.

Дуб не знал, что спит под ним.

В лесах стало тише. Дыхание, что текло сквозь листья, успокоилось.

И это было самое страшное затишье.

Часть 1 СЕРДЦЕ ЛЕСА

Глава 1. Голос Леса

В тот день воздух в княжеском тереме был густ и тяжёлый, словно перед грозой. Но пахло не дождём, а людским потом, перегоревшим воском и затаённым гневом.

Князь Мстислав сидел в резном кресле под ликом Рода. Ударил ножкой о дубовый пол — и спор стих. Был он средних лет, но стар взглядом: твёрдым, как кремь, и острым, как боевой нож. Русые волосы, заплетённые в две косы, обрамляли худощавое лицо с близко посаженными глазами цвета зимнего неба.

Во всём его облике — в прямой спине, в привычно сжатых губах, в манере разом обводить залу взором — читалась власть. Она не была унаследована, её выстрадали в стычках с соседями и кочевыми племенами.

Он ударил резной ножкой кресла о дубовый пол, и этот звук, как всегда, разрешил спор.

— Довольно! Я сказал — вырубить! Земля под паром за рекой — никуда не годится, урожай хуже с каждым годом. А там, на холме — лучшая почва. И лес как на подбор, стройный, на брёвна и дрова!

Воин в кольчуге, с рыжей бородой и шрамом через бровь — воевода Степан — тут же склонил голову в готовности. Он служил ещё отцу Мстислава и ценил в новом князе решительность, граничащую с упрямством.

— Воля твоя, князь. Завтра же с мужиками возьмёмся. Месяц — и чисто будет.

Князь перевёл взгляд на другого человека, стоявшего у окна. Тот был одет не в кольчугу, а в простую холщовую свиту, подпоясанную верёвкой. Он не смотрел на князя, а вглядывался в зелёную стену леса за окном, и казалось, слушал что-то, недоступное остальным. Это был Радогор.

— Ну что, волхв? — голос князя стал тише. В его правлении была простая мудрость: с дружиной — грозен, с купцами — приветлив, с волхвом — почтителен. Силу железа он уважал, но силу слова и духа — опасался, а потому и ценил. — Опять будешь отговаривать? Говорить, что деревья там... разговаривают?

Радогор медленно обернулся. Его глаза, цвета спелого ореха, были спокойны.

— Не разговаривают, князь. Они живут. А живут — потому что место то — живое. Вырубил их — перекроешь дыхание всему, что вокруг.

Степан фыркнул, не скрывая презрения.

Возле пряхки, в тени за печью, притихла девочка лет семи — Малуша. Пока взрослые спорили, она не сводила широких глаз с Радогора. Другие видели человека в простой одежде, а она видела слабое, едва уловимое тепло, что исходило от него — как от печки, как от сухих дров, тлеющих в очаге.

Когда Степан начал говорить злые слова, Малуша вздрогнула. Ей показалось, что воздух вокруг дяди стал густым, липким, будто от стоячей воды. И чем злее становились его слова, тем тяжелее было дышать. Холод тянулся от него через всю горницу — липкий, противный, от которого мурашки бегут по коже.

— Сказки для баб да детей. Дерево — оно и есть дерево. Упало — новое вырастет.

— Вырастет, — согласился Радогор. — Но не то. И не там. И дышать будет по-другому. Ты же, Степан, не станешь рубить здоровую руку, чтобы приставить к ней деревяшку? Так и тут.

— Хватит! — князь поднялся. Решение в нём созрело. В нём всегда зрело быстро — иной раз слишком. Он правил не советом, а приказом, веря: колеблющийся князь хуже князя ошибающегося. — Радогор. Ты мне советчик верный, я ценю твоё знание трав и предсказаний. Но сейчас речь о хлебе насущном. О силе. Крепкие брёвна — крепкие стены. Решение моё — рубить.

На лице волхва не появилось ни тени гнева или обиды. Лишь лёгкая, почти незаметная печаль.

— Как знаешь, Мстислав. Твоя воля — закон. Но прежде, чем отдать приказ... позволь мне одно. Пойдём со мной. Только мы двое. Без оружия. И если после этого ты всё равно решишь рубить здесь, я не только укажу, где взять лучшую древесину, но и сам возьму в руки топор. Но позволь Лесу сначала с тобой поговорить.

Степан хотел было возмутиться, но князь, удивлённый такой готовностью, с любопытством кивнул. Любопытство было его слабостью — оно заставляло его выслушивать странствующих сказителей и привело когда-то к трону самого Радогора.

* * *

Они шли по тропе, утопая в густых летних сумерках. Воздух в лесу был иным — звонким, пропитанным запахом хвои, мёда и влажной земли. Князь, привыкший к шуму княжеского двора, невольно притих.

Радогор привёл его на небольшую поляну. В центре её стоял дуб. Не просто старый, а древний. Его ствол был толщиной в три обхвата, а кора напоминала кожу дракона, поросшую изумрудным мхом.

— Вот он, — тихо сказал Радогор. — Один из Стражей. Ему лет больше, чем всем нашим родам, вместе взятым.

— И что же он мне скажет? — с долей недоверия спросил князь.

— Прикоснись к нему. И закрой глаза.

Мстислав, колеблясь, с опаской, положил ладонь на шершавую кору. Закрыв глаза, он почувствовал под ладонью не кору, а тёплое, живое биение, словно прикоснулся к спящему зверю.

А потом его накрыло.

Видение пришло обрывками чувств. Сперва — прохлада тенистых крон, спасающих от зноя, словно глоток воды в знойный день. Потом — вкус чистой влаги из родника, что бил у самых корней, питая его тысячу лет. Ощущение прочности, укоренённости вглубь, в самые тёмные и плодородные глубины матери-земли.

И тут же — резкая смена. Глухой, тяжкий стук топоров, от которого содрогается сердцевина. Треск ломаемой древесной плоти, похожий на стон. Грохот падающих исполинов, от которого содрогается почва. А потом — ветер. Голый, безжалостный ветер на вырубке, выдувающий последнюю влагу, несущий на его будущие нивы пыль и пепел. Он увидел, как хлеб на них чахнет и блекнет, не успев налиться. Услышал ропот голодных людей и плач детей.

Князь дёрнул руку, как от огня, и отшатнулся, тяжело дыша. Перед глазами ещё стояли образы бесплодной земли.

— Что это было? — выдохнул он.

— Память, — ответил Радогор. Его лицо было серьёзно. — Память земли о том, что было. И... предупреждение о том, что будет. Лес не против тебя, князь. Он пытается сохранить тебя самого. Ибо он и ты — части одного целого.

Мстислав молча смотрел на дуб. Неверие в его глазах сменилось суеверным страхом. Мысли путались от неожиданного видения. Князь был не глуп и умел отделять гордыню от пользы.

— Хорошо, — прошептал он наконец. — Не тронем твой лес, волхв. Приказ о вырубке... отменяется. Но нужда в брёвнах не отпала. Ты обещал.

Радогор медленно кивнул.

— За рекой, по ту сторону Вороньего брода, есть сосновая грива. Деревья там прямые, как стрелы, смолистые. Земля под ними — песчаная, бедная. Они сами просятся под топор, и дух того места не взыщет. А для дров — идите на запад, к старой гари. Лесу нужно помочь, он задыхается от собственного упадка. Проредите — и дров будет на три зимы, и свету молодым дубкам прибавится. Руби, но руби с чуткостью. Бери то, что земля отмерла или само на смерть просится. Не тронь живую плоть — и она не тронет твою.

Князь Мстислав внимательно слушал. Он ценил, когда слово подкрепляется делом, а вера — знанием.

— Ты не только с духами говоришь, но и по-хозяйски смотришь, — заметил он, впервые за сегодня без тени раздражения. — Хорошо. Пусть будет по-твоему. Степан! — он повернулся к воеводе. — Слышал? Грива за Вороньим бродом и гарь.

Степан, стоявший поодаль, угрюмо кивнул. Но в его глазах, устремлённых на спину Радогора, не было благодарности. Была лишь тлеющая злоба от того, что его воля вновь перечёркнута мудростью этого «лесного отшельника».

Они молча шли обратно. Князь — задумчивый, взвешивающий новые планы. Радогор — спокойный, но в глубине его глаз читалась не радость победы, а усталая тяжесть понимания: это лишь отсрочка. Он дал им выход, но тем самым лишь подпитал их уверенность, что лес — это кладовая, а он — всего лишь её ключник. Зерно сомнения и жадности, упавшее в плодородную почву людских сердец, уже не выковырять. И он знал, чьи руки станут тем дождём, что заставят его прорасти.

А на поляне древний дуб, будто вздохнув, ронял на землю единственный спелый жёлудь.

Глава 2. Озеро Глаз

После разговора с князем в лесу воцарилась тишина. Мужики, готовившие топоры, расходились по домам. Радогор, проходя мимо них, чувствовал на себе их колющие взгляды, слышал сдержанный шёпот, что шипел у него за спиной, будто змеинный выводок. Ему требовалось уединение. Не то что в избушке на краю деревни, а глубинное, настоящее. И он знал, куда идти.

Дорога к Озеру Глаз была не просто тропой. Она была путём очищения. Сперва пахло дымом и кислятиной от людских хлебов, потом запах сменялся густым ароматом хвои и прели, а под конец, у самой воды, воздух становился кристальным, холодным и звонким.

Радогор шёл, не оглядываясь. Он знал, что за ним крадутся.

Ефим, любопытный соседский мальчишка, таскался за ним уже не в первый раз. Радогор давно заметил — ещё на выходе из деревни. И так же давно решил: пусть идёт. Молчаливый свидетель порой лучше ученика. А если испугается — сам уйдёт.

Мальчик старался ступать бесшумно, но то и дело наступал на сухие ветки. Радогор усмехнулся про себя, но виду не подал.

— Дедко, — голос Ефима прозвучал нерешительно, когда они углубились в лес. — Куда мы идём?

— К озеру, — коротко ответил Радогор.

— Зачем?

Радогор остановился, глядя сквозь деревья туда, где между стволов уже угадывался про-свет.

— Чувствую неладное. Надо повидаться с озёрной берегиней. Или, как её ещё называют, духом воды.

Ефим замер.

— А она... не злая?

— Нет. — Радогор улыбнулся. — Это самый первый дух, которого я стал понимать. Очень давно. Она всегда рада меня видеть. А я — её.

Они вышли к озеру.

Озеро лежало в чаше меж древних холмов — огромный, почти круглый, зелёный самоцвет. Вода в нём была настолько прозрачной, что на отмели можно было разглядеть каждый камушек, а на глубине она уходила в таинственный, тёмно-изумрудный сумрак.

Радогор остановился у самой кромки воды. Просто стоял и ждал.

И вода ответила.

Сперва это была лишь лёгкая рябь, пробежавшая по глади не от ветра. Потом в самом центре озера вода начала медленно подниматься, не расходясь кругами, а словно вырастая из самой глубины, собираясь в текучий, не имеющий чёткой формы столп. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь листву, заиграл в нём, рассыпаясь на миллионы радужных бликов.

Столп обрёл черты.

Ефим, притаившийся за корягой, замер, разинув рот. Он никогда не видел ничего прекраснее.

Она была соткана из света и воды. Длинные пряди, струившиеся вместо волос, переливались всеми оттенками синего и зелёного — от прозрачной бирюзы у лица до тёмной, почти чёрной синевы на концах. Кожа светилась изнутри мягким, жемчужным светом, и в этом свете тонули черты лица, оставляя лишь намёк на глаза — глубокие, бездонные, цвета горного озера в безветренный день.

Она замерла в двух шагах от Радогора.

И тут Ефим почувствовал.

На него смотрели.

Не один взгляд — множество. Со всех сторон. Из воды, из-под коряг, из тёмной глубины у дальнего берега. Взгляды были тяжёлыми, чужими.

Ефим прижался к трухлявому стволу, стараясь даже не дышать. Краем глаза он уловил движение: там, где вода смыкалась с тенью, мелькнуло что-то большое. Огромная тень, тяжёлая, медленная. Она проплыла под поверхностью и исчезла в глубине, но Ефим успел заметить жёлтый глаз, блеснувший из темноты и тут же погасший.

А ближе, у самых камней, мелькали другие — поменьше. Быстрые, бледные фигуры то показывались, то прятались, словно не решаясь подойти ближе. Их взгляды были любопытными, но настороженными. Ефим понял: здесь он чужой. Его здесь не ждали.

Он зажмурился и постарался стать совсем незаметным.

Радогор тем временем стоял, глядя на берегиню.

— Ты чувствуешь? — спросил он негромко. — Там, у людей. Что-то созревает.

Она молчала. Вода у ног Радогора чуть потеплела, потом снова стала холодной — она слушала.

— Чувствую... — голос пришёл отовсюду, разбитый на тысячи отголосков. — Тяжесть... в воздухе... как перед грозой...

— Они хотят рубить лес. Князь дал слово лес не трогать. Но я не верю, что его обещание крепко.

— Не только... лес...

Радогор нахмурился.

— А что?

Она медленно покачала головой. Движение было таким плавным, что казалось, вода колышется.

— Не знаю. Я только... чувствую. Что-то... идёт. Из людей... из их страха... из их жадности... Они... позовут. Сами. Не со зла... по глупости...

— И что тогда?

Тишина. Долгая, тягучая.

— Тогда... придёт беда. Не сегодня. Не завтра. Но придёт.

Радогор сжал кулаки.

— Я попробую их остановить. Сделаю всё, что смогу.

Она посмотрела на него. В её глазах, глубоких и печальных, он увидел то, что нельзя высказать словами: благодарность. И предупреждение.

— Знаю. Потому ты и здесь. Потому ты... ко мне пришёл, а не к другим.

— Ты первая чувствуешь, — сказал Радогор. — Ты всегда была первой.

— И ты... всегда... приходишь... ко мне...

В этом эхе вдруг почудилась грусть. Очень старая, очень глубокая.

Она протянула руку — струю воды, принявшую форму ладони, — и на миг прикоснулась к его груди, туда, где билось сердце.

— Ты не один. Запомни это. Что бы ни случилось.

И её фигура начала таять. Свет померк, черты расплылись, и через мгновение на воде осталась лишь лёгкая рябь.

Радогор долго стоял, глядя туда, где только что была она. Потом повернулся и пошёл к берегу.

Ефим выдохнул. Он всё это время боялся дышать.

Они пошли обратно, к деревне. Ефим молчал, но то и дело оглядывался на озеро. Ему всё чудилось, что из глубины за ним кто-то следит. Но сколько он ни всматривался, видел только тёмную воду и отражение облаков.

— Дедко, — наконец решился он. — Там... в воде... кто-то был... Они следили за мной.

Радогор хмыкнул.

— Знаю. Они живут здесь, и это их дом.

— Они злые?

— Нет. Просто другие. Как ты для них.

Ефим ненадолго замолчал.

— А та, большая... с жёлтым глазом? — спросил он почти шёпотом.

— Водяной, — ответил Радогор. — Хозяин. Он не показывается просто так. Видать, ты ему интересен.

Ефим не знал, радоваться этому или бояться.

— Пойдём, — сказал Радогор. — Скоро нам понадобится вся сила. И тишина эта... она ненадолго.

Глава 3. Тихий недуг

Возвращение из царства тишины у Озера Глаз всегда было похоже на пробуждение. Радогор шёл по лесу, ещё неся в себе его безмятежный покой, но с каждым шагом, приближавшим его к деревне, на него накатывало знакомое, тревожное эхо — смутный гул людской речи, лай собак, стук топора. Он входил в деревню, и стена тишины рушилась окончательно, рассыпаясь на сотни мелких, суетливых звуков.

Его избушка стояла на отшибе, у самой опушки, и обычно это спасало.

Но в ту ночь он долго не мог уснуть. Ворочался на жёсткой лавке, прислушивался к завыванию ветра за окном. Сон не шёл — что-то давило изнутри, какая-то смутная тревога, липкая и холодная, которой он не находил объяснения. А когда наконец провалился в глубокое, тяжёлое забытьё, ему начали сниться странные видения.

* * *

В то же время, на краю деревни, в густой беззвёздной тьме собрались трое.

Тучи затянули небо плотным, непроглядным одеялом, спрятав даже узкий серп молодого месяца. Самое время для тех, кому свет не нужен.

Степан вышел к ним, когда они переминались с ноги на ногу в нетерпении. Коренастый Пахом и молодой Епифан — оба свои, надёжные, не из болтливых.

— Дождётся утра? — для порядка спросил Епифан, хотя голос его выдавал сомнение.

— Утра? — Степан усмехнулся в темноту. — Чтобы Радогор снова князю нажаловался? Чтобы опять нас перед всей деревней дураками выставил?

Пахом молча поправил топор за поясом. Епифан переглянулся с ним и опустил глаза.

— Он всех запугал, — снова заговорил Степан, и голос его звучал глухо и зло. — Кричит: лес живой, дерево живое, беда придёт. А вы видели хоть раз, чтоб от дерева беда приходила?

Молчание. Только ветер шелестел в соломе крыш.

— Я лично — нет, — ответил за всех Пахом. — Сказки это всё для малых детей да для баб пугливых.

— Вот и докажем, — Степан понизил голос до шипения. — Срубим ту ольху на краю рощи. Одну-единственную. Посмотрим, рассыплется небо или нет. А утром все увидят: ничего не случилось. И Радогор больше не посмеет языком молоть, людей стращать.

Степан шагнул было к опушке, но вдруг остановился. Всего на миг. Что-то дёрнулось внутри — там, где ещё жил страх из детства, когда бабка таскала его за ухо: «К ольхе без нужды не ходи, это дерево не простое, оно с теми, кто за чертой». Он тряхнул головой, прогоняя наваждение.

— Сказки, — буркнул Степан себе под нос и зашагал вперёд.

— А если... ну... — начал было Епифан, но осекся под тяжёлым взглядом старших.

— Если что? — жёстко спросил Степан. — Дерево как дерево. Не в первый раз топор в руки берём. Аль забыли, как лес валят?

Спорить никто не решился.

— Идём, — подвёл черту Степан. — Рассвет скоро. И чтоб ни одна душа не знала. Ни жёны, ни дети, ни тем более этот... ведун.

Они ушли в ночь и растворились в черноте, как тени.

* * *

Радогору снилась вода.

Чёрная, неподвижная, как гладкий камень, она стояла перед ним бескрайним зеркалом. Он смотрел в неё и видел не своё отражение, а прекрасное, ветвистое дерево. Оно тянуло ветви к невидимому солнцу и излучало тепло, как живое существо.

Сон был спокойным, почти блаженным. Такого давно не случалось.

* * *

Но в Роще уже звучали топоры.

Первый удар пришёлся по стволу глухо, но от него собаки на деревне ошетинились и завyli разом — тревожно, тоскливо, захлёбываясь лаем. Им ответили псы с другого конца, и через минуту вся деревня выла, будто чуяла близкую смерть.

Малуша проснулась от этого воя, будто её толкнули в грудь.

Села на постели, прижала руки к сердцу, которое бешено колотилось. В темноте ей почудился чей-то плач. Тонкий, жалобный, совсем по-детски. Она подбежала к окну. За лесом, там, где стояла Священная Роща, мелькнула и тотчас погасла одинокая искра. Будто кто-то чиркнул кресалом и тут же задул огонь, испугавшись.

Плач стих. Но на душе осталось тяжёлое, липкое чувство, от которого некуда было деться.

* * *

А в Роще, покосившись всё сильнее и сильнее упала ольха.

Нехотя, с протяжным, скрипучим стоном — будто сопротивлялась до последнего, не желая расставаться с жизнью. Когда ствол рухнул на землю, глухо ударившись о влажную почву, сам воздух дрогнул. И на краткий миг всем троим почудилось, что из темноты, со стороны гиблых болот, донёсся ответный звук. Низкий, гортанный, вибрирующий. Будто кто-то очень старый и очень больной, проспавший тысячу лет, вздохнул в первый раз за долгие годы.

Мужики замерли, вжимая головы в плечи.

— Слышали? — прошептал Епифан побелевшими губами.

— Ветки трещали, когда падала, — отрезал Степан, хотя голос его немного дрогнул.

Они нерешительно подошли к свежему срезу. Пахом чиркнул кресалом, высек искру и зажёл лучину. Жёлтый трепетный свет упал на изуродованный пенёк.

И все трое отшатнулись, будто ударило их.

Из древесины сочилось что-то тёмное. Не смола — густая, маслянистая жидкость, пахнувшая ржавым железом и чем-то приторно-сладким, тошнотворным. Она стекала по коре тяжё-

лыми каплями, впитывалась в землю и на месте, куда падали эти капли, трава мгновенно чернела, съёживалась.

— Что за... — выдохнул Епифан. Руки его тряслись так, что лучина едва не упала.

— Забудь, — резко оборвал его Степан, отводя взгляд. В глазах его плескался тот же ужас, что и у остальных. — Ничего не было. Нас здесь тоже не было. Поняли? Никто не узнает. А это... — он кивнул на пень, — само заживёт. Дерево как дерево.

Никто не ответил. Они ушли так же молча, как пришли, почти бегом, спотыкаясь в темноте и боясь оглянуться.

А в глубине леса, там, где начинались непроходимые топи, кто-то смотрел им вслед. Сотни глаз, горящих холодным зеленоватым огнём.

* * *

И в этот самый миг сон Радогора переменился.

Чёрная вода дрогнула. Пошли круги, медленные, тяжёлые. И из черноты, из самой глубины, начало медленно всплывать что-то белое. Медленно, неотвратно, как сама смерть.

Пень.

Свежий, окровавленный срез, из которого сочилась тёмная жижa. А из раны, из самого нутра, оттуда, где должно было быть живое дерево, к нему потянулись чёрные, скользкие щупальца. Они обвивали его руки, ноги, ледяными кольцами сдавливали грудь, тянулись к лицу, затыкая рот...

Радогор рванулся, пытаясь закричать — и проснулся.

В избе было темно и холодно. Он сел на лавке, прижал руку к груди, пытаясь унять дрожь, и тут до него донёсся звук.

Собаки выли. Далеко, на краю деревни, но вой был страшным — так воют на большую беду, на мор, на близкую смерть.

Радогор замер. Внутри всё похолодело, тело пронзила дрожь.

Он вскочил, накинул на плечи тяжёлый овчинный кожух, выбежал на крыльцо. Воздух был сырым, холодным, пропитанным предрассветной сыростью. Ещё темно — ни звезды, ни просвета. Но на востоке, над самой кромкой леса, уже начинало брезжить. Тонкая, бледная полоса зари только-только пробивалась сквозь плотную тьму.

Он вдохнул всей грудью — и почувствовал.

Что-то изменилось. В самом воздухе. В той особой тишине, что бывает перед рассветом. В том, как замерли деревья на опушке. Мир стал другим. Чуть-чуть, на едва уловимую грань, едва заметно — но другим. Больным.

Радогор побежал.

Он не знал, что именно случилось, но ноги сами понесли его к роще. Он бежал, спотыкаясь в темноте о корни и кочки, и чем ближе становилась роща, тем сильнее сжималось сердце от недоброго предчувствия.

Рассвет вставал медленно, нехотя. Серые, бледные лучи уже начинали пробиваться сквозь голые ветви, когда Радогор выскочил на опушку.

И остановился как вкопанный.

На месте ольхи зияла пустота, а в земле, задрав ветви к бледнеющему небу, лежал поверженный ствол. Пень был свежим, ещё влажным — тёмный сок всё ещё сочился по коре, блестел в утреннем свете маслянистыми, тяжёлыми каплями.

Всё случилось только что. Он опоздал.

Радогор подошёл ближе. Опустился на колени прямо в холодную росу. Медленно провёл рукой по влажному срезу.

Пальцы стали липкими, покрылись бурой слизью. Он поднёс руку к лицу, осторожно понюхал.

Запах был сладковатым, приторным, тошнотворным. Таким пахло в его страшном сне — там, где чёрная вода и то, что всплывало из глубины. Но сейчас, наяву, этот запах сказал ему больше, чем любой сон.

Он вспомнил — как сам, ещё мальчишкой, стоял здесь со старым волхвом Велеславом. Тот прижимал его ладошку к шершавой коре и шептал: «Чуешь, Радогор? Это не просто дерево. Ольха эта — граница. Пока она жива, те, кто по ту сторону, не переступят эту черту. Она их держит, как засов на двери. Они смотрят, они ждут, но войти не могут. А если падёт...»

Старик не договорил тогда. Только поглядел на болота, и лицо его стало серым.

— Если падёт... — прошептал Радогор, глядя на окровавленный пень. — Если падёт ольха, падёт и защита.

Ольха была не просто деревом. Она была стражем. Щитом. Дверью, запертой с этой стороны. А теперь дверь выломали.

— Дураки, — выдохнул он. — Что же вы наделали...

* * *

Он просидел у пня до полудня. Пытался читать старые заговоры, шептал слова, что передал ему учитель, пытался смягчить боль раненого места, заговорить рану, закрыть её от порчи. Но Радогор чувствовал — невидимое семя уже дало свой росток там, внизу, во тьме. И рост этот не остановить.

* * *

Спустя три дня, возвращаясь из леса с пучком целебных кореньев, Радогор увидел на завалинке своей избышки испуганную Малушу. Девочка сидела, поджав босые ноги, и её обычно живое, румяное личико было бледным и каким-то застывшим, словно у куклы. Увидев волхва, она сорвалась с места и бросилась к нему.

— Дедко, там... на покосе, рядом с тем местом, где ольху срубили... — её голос срывался на испуганный шёпот. — Я видела что-то страшное. Там птицы не поют! Совсем замолкли! И... и пахнет там не так. Пустотой пахнет, как в пустом погребу! И ещё... — она замялась, — мне показалось, что кто-то смотрит. С болот.

Радогор вздрогнул. Раньше ольха не пускала болотный шёпот до деревни. Раньше...

— Успокойся, дитя, — он погладил её по голове, чувствуя, как дрожит девочка. — Пошли, покажешь.

Из-за угла выскочил запыхавшийся Ефим.

— Я везде искал! Малуша, ты здесь... Дедко Радогор, она вчера вечером чего-то испугалась, прибежала сама не своя...

— Идём вместе, — коротко бросил волхв, и лицо его сделалось строгим.

Чем ближе они подходили к старому покосу за деревней, тем явственней становилась перемена. Воздух, обычно густой и сладкий от ароматов цветущих трав и разогретой солнцем земли, здесь становился каким-то безвкусным, мёртвым, выхолощенным. И главное — царила полная, абсолютная тишина. Ни гула пчёл, ни стрекота кузнечиков, ни птичьих голосов — будто сама жизнь отшатнулась, сбежала от этого места.

Они вышли на луг. И Радогор остановился.

Посреди сочного, изумрудного разнотравья, среди ромашек и колокольчиков, зияло пятно. Не выжженное, не вытоптанное скотом. Мёртвое. Трава здесь была пепельно-серой, хрупкой, как старая зола, и рассыпалась в мельчайшую пыль при малейшем дуновении ветерка. Пятно было небольшим, не больше тележного колеса, но от него веяло таким холодом, что у детей перехватило дыхание.

Радогор медленно подошёл и присел на корточки. Протянул руку ладонью вниз над этим местом, не касаясь — и кожа на руке сразу заныла, защипало ледяным, неживым холодом.

— Что это, дедко? — шёпотом спросил Ефим, вцепившись в рубаху Радогора.

— Это... — голос волхва прозвучал глухо, — это конец круговорота. Уничтожение самой сути жизни. То, что приходит, когда страж пал.

Он поднялся. В его уме всплыло и обрело ужасающую плоть слово, которое он раньше слышал в древних преданиях, считая его страшной сказкой: «Сухотень». Так старые волхвы называли духа, что старше самого леса, — не рождённого, а бывшего всегда, как сама земля.

— Никому не ходить сюда, — повернулся он к детям, и лицо его было суровым и печальным, как никогда. — Ни вам, ни другим не приближаться. Скажите всем. Это место заразно. Не для тела — для самой души.

Малуша, всхлипнув, прошептала, глядя расширенными глазами на серую плесень.

— Оно... оно шепчет. Я слышу. Шепчет, что ничего никогда и не было. И не будет. Что всё пустое... И те, кто смотрит с болот, уже ближе, чем вчера.

Радогор ещё раз посмотрел на серое пятно. Оно было маленьким, совсем ещё маленьким. Но в его безмолвной, ненасытной пустоте он узрел бездну, способную разрастись и поглотить весь мир. Если не найти управу.

Он решительно развернулся и, взяв перепуганных детей за руки, быстро повёл их прочь, подальше от этого проклятого места, прикрывая их спиной, будто от удара.

А позади, на залитом утренним солнцем лугу, серая плесень, будто почуяв их уход, медленно, неумолимо переползла на новый, ещё живой стебель клевера. И сочная зелень под её прикосновением в одно мгновение обратилась в безжизненный, рассыпающийся пепел. И тишина стала ещё глубже.

Глава 4. Совет у князя

Дым от лучины в княжеской горнице стелился низко, цепляясь за потолочные матицы. Воздух был густым, пропитанным запахом мёда, воска и людского пота. Князь Мстислав сидел в резном кресле, постукивая пальцами по подлокотнику. Рядом, опёршись на меч, стоял Степан. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по Радогору, вошедшему без стука.

В углу, возле печи, прижимая к груди узелок с травами, сидела Малуша. Она принесла князю сбор от головной боли — и осталась, застыв, боясь пошевелиться. Взрослые её не замечали.

— Ну, волхв? — князь махнул рукой, прерывая затянувшееся молчание.

— Ефим, что твой мальчишка, по деревне бегают, страшилки про серую плесень рассказывает. Говори, что стряслось.

Радогор стоял прямо, не опуская глаз. Он принёс с того луга частицу мёртвой тишины, и теперь она звенела в нём, отгораживая от уютного тепла горницы.

— Не стряслось, князь. Стрясается, — его голос прозвучал приглушённо, будто доносившись из дальней пещеры. — Идёт беда. Не с севера, не с юга. Из самых глубин. Та, про которую в старых сказках говорили. Древний дух, что спал под землёй, пока люди его не разбудили. Сухотень.

Степан громко, нарочито фыркнул.

— Каждую осень — лихорадка, каждую весну — дремота. А нынче — сухотень. Удобно, когда на любую хворобу есть своё страшилище!

Радогор не удостоил его взглядом. Он смотрел только на князя.

— Это не хворь, Мстислав. Это нечто иное. Оно уничтожает, превращает в пыль всё живое — траву, зверей, воду. И скоро дойдёт и до нас.

— Пыль? — князь нахмурился. — И как же оно идёт? С копьём? С мечом?

— Оно идёт тишиной, — просто сказал Радогор. — Но у всякой напасти есть причина. Сухотень не из чужих земель приходит. Он здесь, в нашей земле, дремлет. А просыпается, когда нарушается лад. Когда жадность и страх становятся сильнее мудрости.

Степан шагнул вперёд, нависая над волхвом.

— Ползающая тишина! Слышишь, князь? Нам грозит ползающая тишина! Может, прикажешь дружине наточить мечи против тишины?

Радогор впервые повернул голову в сторону Степана, и его взгляд стал тяжёлым, как камень.

— Ты думаешь, я сказки рассказываю? — голос его вдруг стал тише, но твёрже. — Пойди к старой роще, князь. Посмотри на то место, где ещё вчера стояла ольха. Та, что росла на краю, у самой межи с болотом. Сегодня её нет. А на свежем пне — не смола, а чёрная жижа. Земля плачет железом. И птицы там уже не поют.

В горнице стало тихо. Несколько старшин, сидевших вдоль стены, переглянулись. Седой Добромир машинально сжал висевший на шее медвежий клык — оберег от неведомого, переданный ещё дедом. Он помнил старые предания.

Степан побледнел, но смолчал. Только желваки заходили на скулах.

— Это не угроза, — добавил Радогор. — Это уже случилось. И если мы не поймём, почему — следующая беда будет страшнее.

Он снова повернулся к князю.

— Оно уже здесь. На том самом покосе, что смотрит на свежий пенёк. Пятно не больше телеги, но оно растёт. Я прошу одного — держите людей подальше от тех мест. Не тревожьте землю. Не рубите лес. Ей и так больно от раны, что вы, люди, нанесли.

— Вот как! — Степан сделал шаг вперёд, и его лицо исказила гримаса гнева. — Опять про свой лес! Всё ясно. Это новая уловка. Сперва ты пугал князя видениями, чтобы спасти свои деревья. Не вышло. Теперь придумал нового невидимого врага, чтобы мы сидели по избам, сложа руки, и боялись теней!

Он говорил громко, но в глазах его на миг мелькнуло что-то похожее на страх — воспоминание о той ночи, о чёрной жиже на пне, о вое собак. Он тряхнул головой, прогоняя навязание. Слабость нельзя показывать.

— Степан! — резко оборвал его князь. Но было поздно.

Радогор не двинулся с места, но воздух вокруг него вдруг застыл, стал густым, как смола. Он не смотрел на Степана, но все присутствующие почувствовали, как горница наполнилась немой, древней силой.

— Ты говоришь, потому что не слышишь, — тихо, но отчётливо произнёс Радогор. — Ты не видишь, потому что слеп. Ты хочешь защитить свой народ, ведя его прямо в пасть к тому, что не оставит от него даже имени в памяти ветра.

Он перевёл взгляд на князя, и в его глазах читалась уже не просьба, а предостережение.

— Я сделал, что должен был. Предупредил. Поступай теперь, как знаешь. Но помни этот разговор. Мы все — и люди, и духи леса — части одного целого. Раним одну часть — кровь идёт из всей раны. Вы думаете, что срубили просто дерево? Вы прорубили окно. И в той крови, что мы проливаем своей слепотой, и прорастает эта серая плесень забвения. Когда придёт время платить по счёту, он будет кровавым.

Не дожидаясь ответа, Радогор развернулся и вышел. Дверь за ним захлопнулась с тихим, но окончательным стуком.

За окном горницы, где обычно слышалось щебетание ласточек под крышей, воцарилась неестественная тишина. Даже ветер в деревьях у княжьего терема затих, будто сама природа прислушивалась к исходу спора.

Князь долго смотрел на дверь, за которой скрылся волхв. Потом провёл ладонью по лицу — жест усталого человека, который уже не знает, кому верить. Он вспомнил тот день у древнего дуба — живую пульсацию земли под ладонью. И мёртвую пыль на покосе. Две правды разрывали его.

Степан, бледный от ярости и смутной тревоги, с силой сжал эфес меча.

— Не слушай его, князь, — просипел он. — Это всё выдумки и ложь. Одурманивание.

— Может, и так, Степан, — тихо сказал князь. — А может, и нет. Но пока... пока пусть никто не ходит на тот покос. На всякий случай.

Это была маленькая, робкая уступка. Но для Степана она прозвучала как страшное оскорбление. Он видел, что зерно сомнения, брошенное волхвом, упало в благодатную почву.

В углу, у двери, по-прежнему стояла Малуша, прижимая к груди узелок с травами. Взрослые её не замечали — и она видела то, чего не видели другие.

Когда дядя Степан злился и кричал на Радогора, от его губ отделялась чёрная, маслянистая копоть. Тяжёлыми каплями она падала на пол, растекалась в воздухе, тянулась к двери —

вслед за ушедшим волхвом. И там, где эти капли касались половиц, дерево на миг становилось серым, мёртвым, будто выпитым изнутри.

А за окном, над лесом, ей померещилось бледное, безразличное лицо из серых туч. Оно медленно размыкало уста, будто пило тишину.

Малуша слушала не слова — она слышала голоса так, как слышат звери и деревья. Голос Радогора звучал низко, тревожно — как гул земли перед бурей. А голос дяди Степана — визгливым лязгом, скрежетом железа по камню. Эти звуки сталкивались в воздухе, ранили друг друга, и ей хотелось зажать уши.

Но страшнее всего была тишина, наступившая после ухода волхва. Густая, тягучая. Будто рана, из которой сочится что-то тёмное и неумолимое.

Глава 5. Первый шёпот пустоты

Ночь опустилась на Гласово беззвёздная, безлунная. Луна, прячась за рваными облаками, лишь изредка бросала на землю бледные, скользящие пятна света. В избах давно погасли огни.

Радогор не спал.

Он сидел на пороге своей избушки, спиной к тёплому, но такому хрупкому человеческому миру, и лицом — к тёмной стене Леса. Он не слышал привычного ночного гула — стрекотания сверчков, уханья филина, шороха мелких зверьков в траве.

Была тишина.

Та самая, гробовая, что он ощутил на заражённом лугу. Только теперь она приближалась.

Он почувствовал это кожей — мурашки побежали по спине. Воздух стал холодным, выхолощенным, безжизненным.

Из самой чащи, от тропы, ведущей на проклятый покос, пополз туман. Он рождался прямо из земли, клубясь и разрастаясь с неестественной скоростью. Это был не обычный, влажный и прохладный туман. Он был сухим, седым, больше похожим на пепел огромного пожара. И плыл словно живой, оставляя за собой полосу мёртвой, потрескавшейся земли.

Он не стелился по земле — он пожирал её.

Радогор вскочил на ноги. Сердце заколотилось, наполняясь тревогой.

Он смотрел, как серая стена выползает из леса, уничтожая землю. Туман уже добрался до крайних изб — и те на глазах стали рассыпаться.

И понял: это не одолеть в одиночку.

Своей силой не сдержать.

Тогда он упал на колени, прижался лбом к замшелому камню у порога. Губы его шевелились беззвучно — не заклинание, не призыв. Он просил. Просил, как просят только в последний раз.

И в ответ из-за леса, со стороны озера, донёлся нарастающий, яростный гул.

Шла вода.

* * *

А туман тем временем достиг первых изб.

Он не тек по улицам, а обтекал их, как зверь обходит ловушку. Но там, где он касался плетня, дерево темнело, будто старилось на сто лет за одно мгновение, становясь хрупким и трухлявым. Куст крапивы у забора превратился в серый, безлиственный остов и рассыпался с тихим, печальным шелестом.

На дальних кочках, куда туман ещё не добрался, метались тени. Их было много — те, кто веками жил в этих топях, кого люди боялись и задабривали, кому приносили жертвы, чтобы не трогали. Теперь они бежали. Туман не разбирал, кто свой, кто чужой. Он поглощал всё.

В княжеских хоромах Мстислав вскочил с постели, накинул кожух и выбежал на крыльцо. С другой стороны улицы, из своей избы, уже бежал Степан, на ходу хватая меч.

Они встретились взглядами — и оба замерли, глядя на серую стену, надвигающуюся на деревню.

— Что за бесовщина? — выдохнул Степан.

Князь, бледный, смотрел на наступающую серую стену. «Оно идёт тишиной... Мы сами вскормили его...» — пронеслись в голове слова волхва.

Из ближайшей избы, где жила вдова скорняка с малым дитём, вдруг раздался крик. Тонкий, пронзительный, больше похожий на вопль животной агонии. И оборвался, захлебнувшись.

Вслед за ним — дикий, раздирающий душу крик матери.

Малуша вскрикнула и схватилась за голову, будто её ударили. Она не просто услышала крик — она почувствовала, как одна за другой гаснут знакомые ей искорки жизни. Там, где только что была жизнь, теперь зияла пустота. И эта пустота отозвалась в самой Малуше ледяной, ноющей болью.

Степан сделал шаг вперёд, выставив меч перед собой — единственное, что мог сделать человек, когда на него надвигается неведомая сила. Лезвие было обращено к туману, будто пытаясь отгородиться сталью от пустоты.

И замер.

Стальной клинок на глазах покрылся ржавчиной — стремительной, бурой, пожирающей металл. Степан смотрел, как меч рассыпается в его руках, падает на землю кусками трухлявого железа. Он отшвырнул остатки рукояти и отступил назад, к дверям, не веря своим глазам.

Деревня проснулась в панике.

С криками люди высыпали на улицу, но, увидев наступающий серый поток, в ужасе откатывались назад. Кто-то пытался отгородиться огнём — подносил к плетню горящий факел. Пламя не разгоралось. Оно чадило и быстро гасло, не оставляя дыма.

— Стой, дура! — заорал кто-то из мужиков, хватая за руку бабу, которая рванулась к своей хате. — Видишь, оно всё жрёт! Не подходи!

Одна из хат, в которую вполз туман, осела, превратившись в кучу серого, трухлявого мусора.

— Колдовство! Проклятие! — несло со всех сторон.

И в этот момент на окраине, между наступающим туманом и деревней, возникла одинокая фигура.

Радогор.

Он стоял, раскинув руки, и с его губ срывались не слова, а низкий, гортанный напев — древний зов, приказ земле вспомнить свою силу.

Земля под его ногами ответила. Из почвы, сквозь пылящую серость, пробились живые жилы — упругие побеги папоротника и корни мхов, сплетаясь в невидимый барьер. Серый туман наткнулся на него, замедлил ход, но не остановился. Он начал уничтожать живую защиту, превращая её в труху.

Радогор кричал. Жилы на его шее натянулись, из носа и ушей выступила кровь. Он чувствовал, как сила утекает вместе с каждым вздохом.

И тут с другой стороны, со стороны озера, донёсся нарастающий, яростный рёв.

Вода.

Ручей, вытекавший из Озера Глаз, вышел из берегов, снося всё на своём пути. Его воды, чистые и звонкие, помутнели, наполнившись илом, камнями и яростью. Поток обрушился на серую пелену, смывая, растворяя в себе ту мертвящую сухость.

На миг в воздухе повисла незримая борьба двух стихий — иссушающей пустоты и живой влаги. Слышалось оглушительное шипение, будто раскалённый металл опустили в воду. По всей округе разнёсся резкий запах гари и гнили.

Туман отступил.

Он отполз обратно к лесу, собрался в плотный, недовольный клубок и скрылся в чаще. На улице остались следы его нашествия — иссохшие, почерневшие заборы, облысевшие кусты, несколько безмолвных, тёмных провалов на месте бывших изб.

Радогор, тяжело дыша, опустился на колени.

Кровь всё ещё текла из носа, капала на землю. Он посмотрел на свои руки: кожа на них стала тоньше, прозрачнее, будто он постарел на десять лет за эту ночь. Сила уходила — а вместе с ней уходила жизнь.

Из темноты к нему подбежал Ефим, лицо мальчика было мокрым от слёз.

— Дедко... что... что это было? — выдохнул он, его пальцы впились в рукав Радогора.

Радогор с трудом поднял голову, глядя в сторону, где скрылся туман.

— Первый шёпот, — сказал он. Голос его был хриплым, разбитым. — Предупреждение. Следующий раз он не будет шептать. Он будет кричать.

Он замолчал, собирая остатки сил.

— Иди в деревню, — прошептал он Ефиму. — Скажи всем, кто выжил... пусть не ходят к болоту. И пусть молятся богам, если умеют.

Ефим не уходил. Он смотрел на руки Радогора, на его лицо, на кровь, застывшую на губах.

— А ты, дедко?

Радогор не ответил. Он смотрел в ту сторону, где за лесом спало озеро, где Леля только что отдала часть себя, чтобы спасти их.

— Я должен понять, — сказал он наконец. — Пока не поздно.

Он поднялся, шатаясь, и пошёл к своей избе. Ефим бежал рядом, поддерживая его под руку.

А позади, на опустевшей улице, в свете начинающегося рассвета, медленно оседала серая пыль.

Глава 6. Союз крови и корней

На следующее утро деревня напоминала разорённый муравейник. Воздух всё ещё пах пылью и пеплом, хотя ничего не горело. Смешавшийся со всем этим запах страха был густым и горьким.

Радогор не стал ждать, пока страх перерастёт в панику. Он видел, как Степан собирает вокруг себя мужиков, и слышал обрывки гневных речей. Ему был нужен союз. Только не с людьми — с теми, кто старше и сильнее.

Он снова ушёл в лес, но на этот раз напрямик в самую чащу. Ефим с Малушей, как тени, следовали за ним.

— Дедко, куда мы? — шёпотом спросил мальчик.

— На совет, — коротко бросил Радогор.

Они вышли на поляну, которую случайный путник не сыщет. Посередине стоял старый, скрюченный дуб, наполовину сухой, наполовину зелёный. Казалось, сама Вечность присела здесь отдохнуть.

— Что бы вы ни увидели — не кричите и не вздумайте бежать. — Он наклонился к детям и сказал почти шёпотом.

Радогор вышел на поляну, остановился в центре. Вдохнул — и с выдохом произнёс:

— Владыка леса... Хранитель болот... Покровительница вод...
Призываю вас. Явитесь, ибо идёт большая беда.

Тишина. Ефим, притаившийся за кустом, замер, боясь дышать. Ему показалось, что воздух вокруг стал гуще, тяжелее. А потом он понял: они уже здесь.

Леший был в двух шагах от Радогора. Будто всегда здесь стоял, просто невидимый.

Ефим глянул на него — и не смог понять, высокий он или низкий. Вроде выше любого дерева — рукой не достанешь. А вроде и ниже травы — пригнётся, и не увидишь. И чем дальше смотрел, тем яснее понимал: Леший сам выбирает, каким быть. Огромным — если хочет напугать. Маленьким — если хочет поиграть. А сейчас... сейчас он был просто ростом с человека. Чуть выше Радогора. Для разговора.

Тени от него не было. Совсем. И лица не было — только там, где должны быть глаза, темнела глубина, в которую страшно смотреть.

С другой стороны поляны, из чёрной жижи, поднимался Болотник. Бесформенный, влажный, пахнувший тиной и гнилью. В том месте, где полагается быть лицу, зияла пустота — бугристая, влажная поверхность, которая колыхалась, будто дышала.

А потом воздух на поляне дрогнул.

Морозный пар, поднимавшийся от травы, начал сгущаться, закручиваться прозрачным вихрем. Кристаллики льда, невесомые, как пыль, сплетались друг с другом, будто невидимые руки плели из них тончайшее кружево.

Малуша замерла. Ей показалось — или из этого кружения действительно проступает что-то? Сначала линия плеча, потом изгиб шеи, длинные пряди...

И вот она уже стояла на поляне.

Высокая. Выше Радогора, выше любого человека, но при этом такая лёгкая, что, казалось, дуновение ветра могло бы развеять её обратно в туман. Платье на ней было из текучей воды — струи спускались от плеч к земле, но не проливались, а стелились по траве прозрачным шлейфом, журчащим едва слышно.

Лицо её было белым, с голубизной, как первый лёд на утренней реке. И сквозь него — сквозь щёки, сквозь лоб — Малуша вдруг увидела кусты позади, тёмный ствол дуба. Леля была

почти прозрачной. Только глаза не пропускали свет — глубокие, тёмные, без зрачков, словно два омута, в которых тонуло всё: и страх, и надежда, и сама жизнь.

Волосы её не лежали на плечах — они струились в воздухе сами по себе, длинные пряди замёрзшей воды, и когда Леля чуть повернула голову, они тихо, едва слышно зазвенели, будто тысячи крошечных сосулёк ударились друг о друга.

— Матушка... — выдохнула Малуша одними губами, сама не зная, почему назвала её так.

Леля стояла неподвижно. В ней не было ни зла, ни добра — только вечность. Холодная, как сама вода.

Трое. Лес, вода, болото. Хранители этого мира.

— Слышим, — донеслось отовсюду сразу. Голос Лели разбился на тысячи осколков, голос Лешего проскрипел, Болотник забулькал. — Слышим. Опять эта беда... большая беда... мы её помним, чувствуем.

— Помните? — удивился Радогор. — Вы знаете про Сухотень.

Долгое молчание. Потом заговорил Леший — медленно, будто вспоминал то, что хотел забыть навсегда.

— Так люди его называли. Давно это было, — проскрипел он. — Когда здесь только начинали селиться первые люди. — Он не был рождён, — проскрипел Леший. — Не был сотворён. Он был всегда — как сама земля, как воздух, как тьма под корнями. Когда мир был юн, он уже спал в его глубинах. И спал бы вечно, если бы не люди. Они пришли, строили дома, начали лес валить. Много валили. Не по нужде — для гордости.

— Они не знали, — тихо добавила Леля. Голос её звенел, как треснувший лёд. — Не понимали. Думали, лес бескрайний, вода бесконечная, болото — просто грязь под ногами.

— А потом... — забулькал Болотник, и в его голосе послышался страх. — Потом земля выпустила скверну. Сначала на том месте, где срубили слишком много. А потом пошло дальше. Лес сох, вода уходила, болота твердели.

— И что потом было?

Леший качнулся, будто ветка под снегом.

— Люди ушли. Бросили дома, бросили поля, ушли туда, где земля ещё живая.

— А вы?

— А мы остались, — прошелестела Леля, и в её голосе впервые послышалось что-то живое — боль. — Мы не можем уйти. Лес, вода, болото — всё это мы. Это наш дом. И он был почти уничтожен. Мы помним эту боль. Она не уходила годами — веками.

— Но всё прошло?

— Прошло, — сказал Леший. — Время лечит. Оно насытилось — и ушло. А мы исцелились. Годами. Веками.

— Но люди... — вдруг сказал Болотник, и в его булькающем голосе послышалось что-то новое. — Люди... они не могут насытиться.

Тишина стала густой, как смола.

— Тогда оно ушло само, — тихо сказал Радогор. — Нажралось и ушло. А сейчас?

Трое молчали. Потом Леля ответила — и от её голоса у Малуши застыли слёзы на глазах, превратившись в ледяные крупинки:

— Сейчас оно попробовало людей. Кровь. Крик. Страх. Ему понравилось.

— Оно не уйдёт, — добавил Леший. — Пока не сожрёт всё.

— Всё? — переспросил Радогор.

— Всё, — эхом отозвались трое. — Лес. Воду. Болото. Людей. Землю. Всё.

Радогор молчал долго. Потом шагнул вперёд.

— В прошлый раз вы были поодиночке, — сказал он. — Каждый сам по себе. И выжили.

Он обвёл взглядом троих — Лешего, Болотника, Лелю с её ледяными глазами, в которых тонул мир.

— Теперь — будем вместе. Я, лес, вода и болото. Четверо.

Тишина стала тягучей, как смола. Духи молчали — но в этом молчании не было отказа. Было раздумье.

— Четверо, — эхом отозвалась Леля, и в её звонком голосе послышалось что-то новое. То ли удивление, то ли надежда. Она чуть наклонила голову, и волосы-струны тихо запели.

— Четверо, — проскрипел Леший.

— Четверо, — забулькал Болотник. — Вместе.

Долгое молчание. Потом Леший протянул руку — на ладони лежал дубовый лист, живой, зелёный.

Болотник вытолкнул из себя чёрный камень, отполированный временем.

А Леля подняла руку — прозрачную, светящуюся изнутри голубоватым светом. Из воздуха, из холода упал ей в ладонь ледяной кристалл — капля самой чистой воды, замёрзшая в

вечности. Она протянула его Радогору, и на мгновение их пальцы встретились. Радогор вздрогнул — но не от холода.

Три дара легли к ногам Радогора. Четвёртого дара не было — его предстояло принести самому.

Радогор поднял с земли лист, камень и кристалл. Спрятал за пазуху, ближе к сердцу.

— Попробуем, — сказал он. — Вместе.

— Или все згинем, — ответили трое в один голос.

Воздух дрогнул снова. Леля начала таять, стекая прозрачными струями в траву. Леший шагнул назад и стал просто частью леса. Болотник ушёл в свою жижу без следа.

Поляна опустела.

Радогор постоял ещё немного, прижимая к груди три дара. Потом обернулся к кустам, за которыми замерли дети.

— Выходите, — устало сказал он. — Пойдём. Теперь вы знаете столько же, сколько я. А может, и больше.

Малуша вышла первая. Глаза у неё были сухие, но щёки — холодные, будто она только что умылась ледяной водой.

— Дедко, — спросила она тихо. — А почему она на меня смотрела?

Радогор внимательно посмотрел на девочку.

— Не знаю, Малуша. Может, потому что ты первая её увидела такой, какая она есть. А может... — Он не договорил. — Время покажет.

Глава 7. Зов камня

Радогор возвращался с поляны, и каждый шаг давался тяжелее предыдущего.

Ефим и Малуша шли молча, не решаясь спрашивать. Они видели его лицо — и понимали: случилось что-то страшное. Не то, что уже произошло, а то, что должно произойти. То, что висело в воздухе, давило на плечи, сидело под ложечкой ледяным комом.

Лес провожал их тишиной. Даже ветер стих, даже птицы молчали. Всё замерло в ожидании.

В избушке Радогор сел на лавку и долго сидел неподвижно, глядя в одну точку. Перед глазами стояли трое: Леший, Болотник, Леля. Они излучали страх.

«Мы... пробовали... каждый сам...»

— Дедко, — тихо позвала Малуша из угла.

— Уже смеркается, — оборвал он. — Бегом по домам. Мне надо побыть одному. Я должен подумать.

Дети переглянулись, но спорить не решились. Молча вышли, а Радогор остался сидеть у стола.

Перед ним лежали свитки. Старые, пожелтевшие, те, что он не открывал годами. Исписанные знаками, которые помнили древние времена. Он искал ответ. Вчитывался в руны, но буквы расплывались, теряли смысл. Мысли путались, цеплялись друг за друга, уводили в темноту.

Четверо. Сказал — четверо. А сам не знаю, что делать.

За окном завыл ветер. Тоскливо, протяжно, будто звал кого-то.

Радогор поднял голову, прислушался. Ветер стих так же внезапно, как начался. И в наступившей тишине он вдруг ясно услышал: где-то далеко, со стороны болот, донёсся звук. Низкий, вибрирующий, похожий на стон. Или на вздох.

Оно ждёт, — подумал Радогор. — Оно знает, что мы собираемся. И оно готово.

Он вышел на крыльцо. Ночь стояла беззвёздная, чёрная, плотная. Воздух был холодным и влажным, пахло гнилью и той самой приторной сладостью, что сочилась из окровавленного пня. Запах шёл с болот. Он был везде.

Радогор долго стоял, вглядываясь в темноту. Потом вернулся в избу, сел на лавку. Свитки лежали перед ним, но он больше не пытался их читать. Он просто сидел и смотрел на огонь в очаге.

Пламя дрожало, металось, отбрасывало на стены пляшущие тени. И в этих тенях Радогору мерещились фигуры. Леший. Болотник. Леля. И ещё одно — то, что было между ними. Безликое, серое, пустое.

Веки налились свинцом. Он не заметил, как закрыл глаза.

И провалился в темноту — такую же плотную, как та, что стояла за окном.

* * *

Ему снилась деревня.

Гласово — такое, каким оно было до беды. Солнце светило ярко, в воздухе пахло свежим сеном и цветущим клевером. Люди занимались своими делами: кто-то чинил плетень, кто-то нёс воду из колодца, кто-то сидел на завалянке.

Малуша и Ефим бегали по улице, смеялись, догоняли друг друга. Малуша запнулась, упала, но тут же вскочила — коленка в пыли, а на лице счастливая улыбка.

Радогор смотрел на них и чувствовал тепло. Так должно быть. Так должно быть всегда.

Потом он увидел лес. Птицы пели, перекликались, щебетали. Солнце пробивалось сквозь листву, рисовало на земле золотые пятна. Леший стоял у старого дуба — не страшный, не чужой, а свой, лесной, родной. Он кивнул Радогору, будто старому знакомому.

А потом всё изменилось.

Птицы замолкли. Ветер стих. Солнце погасло, хотя тучи не было — просто свет ушёл, оставив после себя серый, грязный полумрак.

На краю деревни стояла фигура.

Она была похожа на человека — отдалённо. Тот же рост, те же очертания плеч. Но внутри неё не было ничего, кроме клубящегося тумана и серой, мёртвой пыли. Она клубилась, перетекала сама в себя, и от неё, как от чумного очага, расползалась по земле серая скверна.

Она стелилась быстро. Там, где проходила серая пыль, трава чернела и рассыпалась. Дома оседали трухлявыми кучами. Люди падали на землю и превращались в серые силуэты, которые ветер развеивал без следа.

Малуша и Ефим побежали. Но скверна догнала их. Малуша обернулась, взглянула на Радогора — и растаяла в воздухе, даже не вскрикнув.

Радогор хотел закричать, но голоса не было.

Скверна пошла дальше. В лес.

Птицы падали с веток мёртвыми комочками. Деревья сохли на глазах, превращались в серые скелеты. Скверна коснулась Лешего — и лесной хозяин замер, окаменел, рассыпался серой пылью.

Болотник не успел даже подняться из жижи — скверна высушила болото мгновенно, превратив его в потрескавшуюся, мёртвую пустыню.

Озеро помутнело. Вода в нём стала серой и густой, как кисель. Потом от озера осталась глубокая яма. На дне ямы была Леля. Она смотрела на Радогора — смотрела сквозь него, сквозь время, сквозь пустоту — и таяла, стекала в никуда.

И тогда Радогор увидел Камень.

Огромный валун посреди выжженной, серой пустыни. Вокруг него клубилась скверна, пыталась вползти на него, уничтожить. Но камень стоял, а скверна накатывала — и отступала.

А потом камень начал светиться. Сначала тускло, едва заметно. Потом ярче. Потом — ослепительно белым, чистым светом, от которого серая пыль начала сворачиваться, сжиматься, отползать.

Свет заливал всё. Пустыню, небо, самого Радогора. Он резал глаза, проникал под кожу, жёг изнутри.

Радогор зажмурился, закричал — и проснулся.

* * *

Он сел на лавке, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле. Рубаха прилипла к спине — холодный, липкий пот.

В избе было темно. Огонь в очаге давно погас, и воздух стал ледяным.

Радогор сидел, сжимая край лавки, и пытался понять, где сон, где явь. Перед глазами всё ещё стояла Малуша — та, что обернулась перед смертью. И Леля, тающая в пустой яме.

— Камень, — прошептал он. — Камень Правды.

Он знал этот камень. Знал с детства, когда старый волхв водил его в самую глухую чащу, прижимал ладонь к холодному валуну и шептал: «Запомни это место. Когда-нибудь ты придёшь сюда сам с вопросами. И тогда камень укажет тебе то, что нужно».

Радогор тогда не понимал. Теперь — начинал догадываться.

Он вышел на крыльцо. Небо на востоке только начинало светлеть. До рассвета ещё далеко.

Тропа, ведущая к Камню Правды, была едва заметна. Заросшая, забытая. Радогор шёл быстро, почти бежал, и чем ближе становилась цель, тем сильнее сжималось сердце.

В голове всё ещё стоял тот свет. Белый, ослепительный, режущий. И фигура из тумана. И Малуша, растаявшая в воздухе.

* * *

Камень Правды лежал в центре забытой поляны. Валун, тёмный и испещрённый глубокими трещинами, напоминал уснувшего на века древнего зверя.

Радогор подошёл, остановился в двух шагах. Смотрел долго. Потом шагнул вперёд и прижал обе ладони к шершавой, холодной поверхности.

— Помоги, — прошептал он. — Я не знаю, как. Научи.

Тишина. Камень молчал.

Радогор прижался лбом к холодному камню, не отрывая ладоней. Закрыв глаза.

И тогда пришло.

Сначала — темнота. Густая, вязкая, непроглядная. А потом из этой темноты начала проступать фигура. Та самая, что приходила к нему во сне. Бесплотная, серая, клубящаяся. Она стояла на краю мира и тянула к нему свои призрачные руки.

Радогор хотел отшатнуться, но не мог. Тело не слушалось.

И вдруг на фигуру обрушилось нечто. Огромное, тяжёлое, неодолимое. Камень. Тот самый, к которому он сейчас прижимался. Он падал с небес, вырастал из земли, надвигался со всех сторон сразу — и накрыл серую тварь, придавил, замуровал.

Фигура дёрнулась раз, другой — и замерла. Камень сдавил её со всех сторон, не давая двинуться. И она стала частью камня.

А потом всё залил свет. Яркий, белый, ослепительный. И в этом свете Радогор увидел дуб.

Тот самый, что рос в Священной Роще. Древний, могучий, с корнями, уходящими глубоко в землю — туда, где спит сила, старше любого бога. Корни дуба пульсировали, дышали, тянули из земли жизнь.

И Радогор понял.

— Камень, — выдохнул он. — Его нужно запечатать в камне. Но камень сам по себе мёртв. Ему нужна сила... сила земли.

Он оторвал лоб от камня, открыл глаза. Перед ним был всё тот же валун — холодный, молчаливый. Но теперь Радогор знал, что делать.

— Спасибо, — прошептал он. — Я знаю, куда идти.

Он развернулся и пошёл. Не в деревню, а в Рощу. К старому дубу.

Глава 8. Изгнание

Радогор стоял на краю поляны и смотрел на дуб.

Дерево было старым — старше любого человека, старше памяти рода. Его корни уходили глубоко, туда, где земля ещё помнила первый дождь и первый гром. Его ветви тянулись к небу — брали свет, брали воздух, брали силу.

Радогор подошёл ближе. Прижался лбом к шершавой коре. Закрыв глаза.

Стоял долго, молча. Потом тихо сказал:

— Мой старый друг. Ты знаешь, что грядёт.

Голос его дрогнул.

Дуб молчал. Но в этом молчании не было пустоты. Оно было плотным, живым, тяжёлым.

И тогда Радогор почувствовал.

Корни. Они уходили вниз, в темноту, в самую сердцевину земли. И там, глубоко, пульсировало что-то древнее. Сила. Та самая, что могла сдвинуть камни.

Он понял, что эта сила может всё. Но чтобы взять её, нужно заплатить.

Какова плата? — подумал он. — И велика ли цена?

Ответа не было. Было только предчувствие: холодное, от которого бросило в дрожь. Что-то внутри него знало, что назад дороги не будет. Но что именно сейчас случится — он не мог представить.

Радогор открыл глаза. Посмотрел на свои руки — обычные, человеческие, тёплые. Потом на деревню, оставшуюся за лесом. Там были Ефим, Малуша, люди, которые его боялись и которым он всё равно хотел помочь.

Выбора не было.

Он сбросил рубаху, остался по пояс в холодном утреннем воздухе. Достал нож, провёл лезвием по ладони. Кровь — тёплая, алая — капнула на корни.

— Кровь к крови, — прошептал он. — Корень к корню. Теперь я в твоей власти.

Сначала ничего не произошло.

Потом пришла тяжесть.

Будто земля наливалась в тело, вытесняя лёгкость человеческой плоти. Он слышал, как трещат суставы, как скрипят кости, становясь твёрже камня. Пальцы онемели, стали непослушными. Кожа на руках потемнела, огрубела — будто дуб прорастал сквозь него.

Он чувствовал, как меняется тело. Там, где было сердце, теперь пульсировало что-то иное. Холодное, древнее, бесконечно терпеливое.

Он открыл глаза.

Мир стал другим. Он видел лес — не глазами, а корнями. Чувствовал каждое дерево, каждую травинку, каждый камень под землёй. И там, на краю, за Рощей, он чувствовал его.

Сухотень ждал.

* * *

А в Гласово тем временем день сменялся ночью, ночь — днём, и с каждым рассветом страх становился гуще.

Князь Мстислав стоял у окна своей горницы, сжимая в пальцах резной кубок. Вино в нём давно выдохлось, но он не замечал. Он смотрел на лес — туда, где за кронами деревьев уже несколько дней клубилась серая дымка.

— Оно приближается, Степан, — сказал он не оборачиваясь. — Ещё неделя — и будет у наших огородов.

Степан стоял у двери, мрачный, сжимая рукоять нового меча.

— А наш волхв что? — бросил он. — Снова у своего камня да дуба шепчет? Или ждёт, пока эта проказа к нам в дома вползёт?

Князь молчал. Он вспомнил тот день у древнего дуба — живую пульсацию земли под ладонью. И мёртвую пыль на покосе. Между этими двумя правдами разрывалось его сердце.

— Не знаю, — ответил он тихо. — Но выбора у нас нет. Только ждать.

* * *

Тем временем в роще скверна сгущалась.

Туман, до этого стлавшийся по земле, начал подниматься, клубиться, собираться в нечто большее. Пятно росло — медленно, неотвратно, впитывая в себя всё живое. Там, где проходила серая грань, трава рассыпалась в прах, деревья каменели, воздух становился мёртвым.

В самой середине пятна что-то формировалось.

Сначала это была просто тень — чуть темнее, чуть плотнее окружающей серости. Потом тень начала расти, подниматься, обретать очертания.

Леший первым почувствовал опасность. Он замер, втянул воздух — и отшатнулся.

— Я его помню, — прошептал он. Голос его впервые дрогнул.

Болотник, выползший из трясины, застыл на месте. Его безглазая масса колыхнулась, будто в ужасе.

— И он нас помнит, — пробубльнул он. — Он нас чувствует.

Сухотень внутри пятна дёрнулся. Бесплотная фигура, ещё не до конца сформированная, повернулась в их сторону. У неё не было лица — только намёк на глаза, две тёмные впадины, смотрящие в никуда. Но духи чувствовали этот взгляд.

Он двинулся к ним.

Медленно, нехотя, будто вспоминая, как это делается. Сначала один шаг, потом другой. Там, где ступала его серая тень, земля становилась мёртвой навсегда.

Леший отступил. Болотник скользнул назад. Но Сухотень не отставал — он шёл за ними, притянутый их страхом, их памятью, их живой сутью.

И тогда Леля, текущая впереди, обернулась к Радогору:

— Он идёт за нами. Хочет закончить то, что не смог тогда.

— К камням! — крикнул Радогор. — Заманим его к камням!

Леший ушёл в лес. Болотник скользнул в тень. Леля текла впереди, показывая дорогу.

Сухотень двинулся за ними.

Он не бежал, не нападал. Он просто шёл, и там, где ступала его серая тень, земля становилась мёртвой. Но духи не давали ему остановиться. Леший путал следы, заставляя поворачивать. Болотник отсекал путь назад, поднимая из трясины гнилые коряги. Леля текла впереди, и её чистая вода была маяком — Сухотень тянулся к ней, как слепой тянется к теплу.

Они вышли к границе Роши.

Здесь, среди старых деревьев, из земли выступали валуны. Огромные, серые, замшелые. Они лежали здесь тысячи лет, вросшие в почву, связанные корнями, помнящие времена, когда людей ещё не было.

Сухотень остановился возле камней.

Он чувствовал западню. Его бесплотное тело дёрнулось, попыталось уйти, но было поздно.

Радогор вышел из-за деревьев.

Он поднял руки. Тяжесть земли, что текла теперь в его жилах, отозвалась на зов. Валуны засветились — тускло, изнутри, будто в них просыпалась древняя память.

Сухотень рванулся. Серая масса метнулась от древних валунов, но Леший уже стоял там, превратившись в стену из корней и ветвей. Болотник поднял из земли трясины, отрезав путь с другой стороны. Леля текла вокруг, замыкая круг водой.

Радогор сдвинул камни.

Не силой — волей. Он хотел, чтобы они встали стеной. И они слушались. Медленно, со скрежетом, валуны поднимались из земли, наклонялись, смыкались над серой фигурой.

Сухотень метался внутри. Его бесплотное тело билось о камень, пыталось найти щель, вытечь, сбежать. Но камни давили, сжимались, не оставляли места.

Ещё миг — и они сошлись в единый монолит.

Гробница. Саркофаг из камня, внутри которого была заперта пустота.

* * *

И в тот же миг из последней щели, из-под тяжести валунов, вырвалось облако. Серое, густое, оно рванулось наружу — прямо туда, где стоял Радогор.

Леля увидела это раньше, чем он.

Она не думала. Не было времени думать. Было только движение — такое же естественное, как течение воды, как дождь, падающий в землю.

Она шагнула вперёд. Между ним и туманом.

Облако влетело в неё — и исчезло. Впиталось, растворилось в прозрачной плоти.

Леля замерла. Потом медленно подняла руки, посмотрела на них. Там, где была чистая вода, проступала серая рябь. Медленная, неотвратимая.

Радогор рванулся к ней.

— Не подходи, — голос её звенел, как треснувший лёд. — Он во мне. Если коснёшься — перейдёт на тебя.

— Зачем? — выдохнул он. — Зачем ты...

Леля посмотрела на него. В её глазах, уже мутных, на миг блеснуло что-то прежнее.

— Ты должен понять, — прошептала она. — Вода всегда принимает в себя грязь, чтобы земля оставалась чистой.

Она отступила на шаг. Потом ещё один.

— Я справлюсь. Или нет. — Она кивнула на каменный саркофаг. — Сторожи.

И растаяла в воздухе, оставив после себя только холод и тишину.

Радогор смотрел туда, где она исчезла.

— Я найду способ, — прошептал он. Но голос его уже звучал не по-человечески — глухо, как шорох листвы.

Он стоял перед каменной гробницей и чувствовал под землёй тяжесть. Сухотень был там, запертый, но не мёртвый. Он чувствовал его — каждое движение, каждую попытку вырваться. Эта связь теперь будет длиться вечно. Пока он жив — камень будет держать. А камень будет держать — пока жив он.

Роща вокруг замерла. Духи ушли. Леля исчезла.

Радогор посмотрел на свои руки. Они уже не были человеческими — тёмные, грубые, с прожилками, похожими на корни. Он чувствовал, как под кожей пульсирует не кровь — тяжёлый, медленный сок. Как каждый шаг даётся всё труднее, будто земля уже не отпускает, тянет к себе, к корням.

Он знал: назад дороги нет. Жизнь, какой она была, кончилась.

Он сделал шаг. Потом ещё один.

Когда он шагнул в Рощу, лес вздохнул. Не ветром — самой землёй. Будто всё это время он ждал, и вот дождался.

Он шёл к дубу. Тому самому, с которого всё началось.

Глава 9. Разлука

Три дня Радогор не отходил от дуба.

Тело ныло — не мышцы, а что-то глубже, там, где теперь пульсировал тяжёлый древесный сок. Каждый шаг давался с трудом — земля тянула к себе, напоминая, где теперь его место.

Но боль в сердце была сильнее. Он должен был её увидеть.

* * *

Озеро встретило его тишиной.

Вода стояла неподвижно, тёмная, глубокая. Ни ряби, ни плеска, только холод, тянущий от самой поверхности.

Радогор остановился у кромки.

— Леля, — позвал он тихо. — Ответь.

Он смотрел на воду долго, не отрываясь.

Сначала ничего не происходило. Потом в глубине, там, где тень становилась гуще, что-то шевельнулось. Не всплеск, не движение — просто тень стала чуть темнее, чуть плотнее.

Радогор всмотрелся.

Из черноты медленно проступали очертания. Плечи, шея, лицо. Она не поднималась — она проявлялась, оставаясь в воде, оставаясь частью этой тёмной глубины.

Он узнал её. Даже сейчас, даже такой — узнал.

Сквозь прозрачную плоть проступали серые, мутные прожилки. Они тянулись от плеч к шее, пульсировали в такт чему-то чужому. От места, куда впилась серая пыль, расходились ледяные трещины.

— Вот, — голос её был тихим, как треск льда. — Смотри.

Он рухнул на колени.

— Это я... Я не уберёг. Прости...

— Молчи. — Она отступила глубже. — Не подходи. Яд липкий. Если перейдёт на тебя — всё, что ты сделал, рухнет. Ты теперь связан с ним. Я чувствую.

Он замер.

— Это был мой выбор, — сказала она. — Я отвела удар, что летел в тебя.

— Как это исправить? — выдохнул он. — Всё отдам.

Леля смотрела долго. Сквозь серую муть в глазах теплилось что-то прежнее.

— Лёд, что во мне, — это память о пустоте. Её нельзя растопить. Можно только переписать. Заложить новую память поверх старой. Живую — поверх мёртвой.

— Чьей памятью? Моей?

— Не твоей. Твоя отравлена той же битвой. Нужно чистое. Тот, кто слышит песню земли, даже когда она спит. Кто видит узор там, где другие — лишь вещи.

Она замолчала. Её форма начала таять.

— Ищи... того, кто слышит. Приведи к воде... когда песня созреет... Может быть...

— Леля!

— Прощай, Радогор... Сторожи мир... И веди летопись. Всё записывай...

Она растаяла. Осталась лишь тёмная вода и холод.

* * *

Радогор долго сидел на берегу.

Потом поднялся. Тело слушалось плохо — земля тянула, камни под ногами казались родными. Сухотень там, в глубине, молчал, но Радогор чувствовал его присутствие — как чувствуют боль в старой ране перед дождём.

Он пошёл к избушке.

Долго смотрел на чистый лист бересты. Потом макнул палочку в сажу и вывел:

«О природе яда Пустоты и способах его преодоления силой живой памяти и чистого понимания».

Рука дрогнула. Он продолжил.

Он писал и знал: это не для него. Не для тех, кто живёт сейчас. Для того, кто придёт после. Для того, в чьих жилах течёт его кровь. Для того, кто сможет прочесть и понять.

Это был его новый долг. Тихая, отчаянная надежда.

Глава 10. Хрупкий мир

Год минул с тех пор, как сомкнулись камни над серой гробницей.

Осень после битвы выдалась скупой на урожай, зима — долгой и холодной. Река обмелела, лес молчал, будто затаив обиду. В Гласово пришло суровое время. Люди ждали весны как спасения.

Но весна не принесла облегчения. Земля на старых пашнях родила скудно, будто силы её были на исходе.

Радогор редко показывался из Роши. А когда выходил — люди не сразу узнавали его. Двигался он медленно, будто каждый шаг давался с трудом. Кожа на лице посерела, стала похожей на кору старого дерева. Глаза его будто видели не этот мир, а тот, что под землёй — там, где лежала каменная гробница. Говорили, что от него пахло сырой землёй и прелыми листьями.

По ночам, когда деревня засыпала, в избушке теплился слабый огонёк. Радогор выводил знаки на бересте — медленно, тяжело, будто каждый штрих стоил ему частицы жизни. Свитки ложились один к одному — знания, наблюдения, догадки. Для того, кто сможет прочесть, понять и во всём разобраться.

* * *

А в деревне слухи ползли, липкие, как болотная тина.

— Диво, конечно, старик нечисть отвадил, — говорил Степан, стоя с мужиками у колодца. — Только посмотрите на него — за год в землю врос, словно старый пень. И лес вместе с ним захирел. Какой ценой нам досталась та победа? Может, он саму жизнь из земли вытянул на свою борьбу?

Он говорил и сам не до конца верил своим словам. Но останавливаться было нельзя. Слишком далеко он зашёл. Слишком многое поставил на то, чтобы люди забыли о волхве и помнили только его, Степана.

Старая Береника, потерявшая внука в ту страшную ночь, косилась на лес и шептала, что Радогор «слишком спокоен», будто знал, что так будет.

Ефим подслушал один из слухов у колодца и прибежал к Малуше.

— Слышала, что дядька Степан говорит? — выпалил он, запыхавшись. — Будто дедко Радогор землю высосал, будто из-за него урожая нет...

Малуша сидела на завалинке, теребя край платка. Выслушала молча. Потом подняла глаза — тёмные, серьёзные не по годам.

— Врёт, — сказала просто.

— Откуда знаешь?

Она посмотрела на лес — туда, где за кронами пряталась Роша.

— Знаю. Он там. Он плохого не сделает.

Ефим хотел спросить, откуда ей известно, но промолчал. С некоторых пор он просто верил ей.

* * *

В княжеских палатах Мстислав слушал Степана, и лицо его становилось всё мрачнее.

— Тяжёлое время выпало нам, князь, — говорил Степан. — Люди злы и напуганы. И винят во всём Радогора. Говорят, с тех пор как он с Рощей сросся, удача от нас отвернулась. Рыба не ловится, зверь не ходит. Земля силы лишилась.

Князь тяжело вздохнул.

— Он спас нас всех, Степан. Не забывай.

— Не забываю, князь. Но ты должен смотреть вперёд. Весна пришла — сеять надо. А на старых землях урожай скудный. Может, разрешить людям землю вспахать у той самой Рощи? Земля там, гляди, жирная...

* * *

А на краю Священной Рощи, там, где корни выворотили землю, в тот же день Елифанов сын нашёл камень.

Мальчишка играл там, где год назад его отец с другими мужиками рубил ольху. Земля ещё хранила следы — чёрные пятна на месте среза, странная сухая трава вокруг. Но он не смотрел под ноги, пока не споткнулся о что-то твёрдое.

Камень был тяжёлым, жёлтым, невиданным прежде. Мальчишка поднял его, повертел в руках и понёс отцу.

А отец понёс Степану.

Вечером самородок уже лежал на столе перед князем. Степан с трудом скрывал торжество.

— Видишь, князь? Благословение земли! А он — он скрывал это от нас! Он знал — и молчал. Говорил о святости, а сам сторожил золото, пока твой народ бедствовал!

Князь взял самородок, повертел в руках. Тяжёлый. Холодный. Потом положил на стол и вышел, ничего не сказав.

Степан понял это как согласие.

Князь вышел на крыльцо, долго смотрел на Рощу. Там, в глубине, жил Радогор. Там, под землёй, спала нечисть. А здесь, в его руке, только что лежало золото. Он не знал, правильно ли поступил. Но знал, что останавливать Степана уже поздно.

* * *

В Роще Радогор сидел у дуба.

Он не видел того, что происходило в деревне, но чувствовал. Воздух стал гуще, тяжелее, а мысли людей — тёмными. Там, внизу, зрело что-то недоброе.

Он закрыл глаза и попытался понять.

Золото. Они нашли золото.

И в тот же миг глубоко под землёй, в каменной гробнице, что-то шевельнулось. Радогор почувствовал это как толчок под рёбрами, как холод, пробежавший по спине.

Он открыл глаза.

Покой кончился.

* * *

Ночью Малуша проснулась от странного чувства.

Будто кто-то позвал по имени — тихо, издалека. Она села на постели, прислушалась. Тишина. Только ветер за окном.

Сердце колотилось ровно, но на душе осталось тепло — чужое, незнакомое, но почему-то родное. Она не знала, откуда оно взялось. Просто знала, что там, в лесу, всё в порядке.

Малуша легла обратно и через мгновение уже спала.

Глава 11. Испытание

К осени надежды на богатство растаяли, как утренний туман.

Земля у Роши родила скудно, а золотые песчинки, что изредка попадались в вывороченных корнях, только дразнили — их хватало ровно на то, чтобы не дать людям забыть о первой находке.

Елифанов сын, первым нашедший самородок, теперь каждый день торчал на краю Роши. Он рыл землю, обдирая пальцы в кровь, но находил лишь пустую породу. Отец его ходил мрачнее тучи — он уже видел себя богатым, а теперь приходилось снова гнуть спину на тощих полях.

Жёлтый камень в руке Степана жёг не только ладонь. Он жёг душу. Самородок был доказательством того, что истинные богатства лежали под сенью «святых» деревьев всё это время, сокрытые волхвом.

Весть о находке пронеслась по деревне, словно огонь по сухой траве. Накопившаяся за месяцы бесплодных поисков злоба и новая, острая жажда — гремучая смесь, что вот-вот готова была вспыхнуть.

— Он всё это время водил нас за нос! — голос Степана, сиплый от ярости, резал вечерний воздух на сходе. — Всё лето мы горбатились на тощих землях, а золото — здесь! Прямо под корнями его «святых» деревьев! Он с самого начала ведал и таил от нас!

Толпа, пьяная от гнева и ослеплённая новой надеждой, рванула к Священной Роще.

Впереди бежал Епифанов сын. В руках он сжимал заступ — тот самый, которым рыл землю впустую всё лето. Теперь он знал, где копать.

* * *

Радогор почуял их приближение.

Не как шаги — как дрожь в корнях, тревожный гул, идущий от самой деревни. Он вышел на опушку, опираясь на посох. Один против десятков одурманенных яростью душ.

— Степан. Люди. Остановитесь, — голос его прозвучал негромко, но с той усталой твёрдостью, что на миг заставила толпу замереть.

Степан выступил вперёд, потрясая самородком.

— Видишь, что ты у нас отнял? Всё лето мы бедствовали, а ты стерёг это!

Радогор медленно перевёл взгляд с камня на лица людей. Он видел в них не только злобу, но и затаённый страх — страх голода, страх бессилия, страх перед грядущей зимой.

— Земля ныне скупа. Лес молчалив. Но это не навеки, — сказал он. — Это испытание. Рана, которую мы нанесли миру, должна затянуться. Дайте срок — и он отблагодарит вас. Не золотом, а урожаем, полными закромами. Вы должны поверить.

На мгновение в толпе возникла нерешительность.

Старый Добромир, помнивший ещё те времена, когда к Роще без нужды не ходили, опустил заступ и отвёл глаза. Рядом с ним стоял молодой кузнец — он колебался, переминался с ноги на ногу. Кто-то сзади уже разворачивался, чтобы уйти.

Но Епифанов сын стоял в первом ряду и не отводил взгляда.

Он вспомнил, как отец ворочался бессонными ночами, как мать считала последние горсти муки. Вспомнил, как сам рыл землю всё лето — до кровавых мозолей, до ломоты в спине — и находил лишь пустоту. А золото, казалось, было здесь. Под этим деревом. Всё это время.

Он не слышал больше ни Степана, ни Радогора. Он видел только корни. И заступ в своих руках.

Степан шагнул вперёд, уловив мгновение.

— Чего ждёте? — крикнул он. — Он землю стережёт, а мы голодаем! Золото под корнями прячет, а у нас в закромах мыши дохнут с голоду! Руби, пока не поздно!

Молодой кузнец, стоявший рядом с Добромиром, вдруг толкнул старика в плечо:

— Чего встал? Золото под ногами, а ты спину гнёшь!

Ропот, на миг затихший, поднялся с новой силой.

— Руби! — заорал кто-то в толпе.

Радогор шагнул к Степану. Он поднял руки — и земля под ногами мужиков дрогнула. Чуть-чуть, ровно настолько, чтобы они остановились. Тонкие корни, похожие на волосы, показались из земли, обвили щиколотки, замерли.

— Не троньте Рощу, — тихо сказал Радогор.

Но Епифанов сын уже не видел ни корней, ни предупреждения.

Он рванулся вперёд и вонзил заступ в то самое место, где год назад стояла срубленная ольха.

Пень, поросший мхом, давно уже не напоминал о себе. Но земля под ним не зажила. Чёрная жижа, что сочилась тогда из пня, ушла вглубь, но не исчезла бесследно.

Удар пришёлся в самую сердцевину этой старой раны.

Раздался не треск, а стон — низкий, протяжный, вырвавшийся разом из груди Радогора и из-под земли. Будто сама Роща вскрикнула от боли. Пень на глазах почернел и рассыпался в труху. На земле проступила чёрная, маслянистая жижа, потянуло знакомым сладковатым запахом.

Радогор вздрогнул и побледнел. И в тот же миг глубоко под землёй, в каменной гробнице, что-то шевельнулось. Сухотень повернулся во сне. Там, внизу, в вечной тьме, ему тоже стало теплее.

Степан, увидев смятение волхва, торжествующе закричал:

— Он слабеет! Вперёд!

И толпа ринулась.

Радогор отступал вглубь Рощи, пытаясь защитить её сердце. Каждый удар заступа отзывался в нём болью, и каждый такой удар будил то, что спало под землёй.

Сын скорняка — тот самый, что бежал рядом с Епифановым сыном — всадил топор под корни старой берёзы. И снова стон, и снова дрожь земли.

* * *

А в деревне Малуша, сидевшая на завалинке, вдруг схватилась за грудь.

Сердце остановилось. На миг — показалось, навсегда. А потом забилось снова — но уже по-другому, тяжёло, будто не её. Будто кто-то уходил и уносил с собой часть самой её.

Она посмотрела на лес. Там, в глубине, умирало что-то большое и родное.

Малуша вскочила и побежала. Не думая, не понимая — просто ноги сами понесли её туда, откуда тянуло холодом и болью.

К Роще.

Глава 12. Удар в спину

Малуша вбежала в Рощу, когда первые деревья уже падали под топорами.

Она почувствовала это раньше, чем увидела. Каждый удар отзывался в груди, будто били по ней. Земля под ногами вздрагивала, стонала, и эти стоны отдавались в висках ледяной дрожью.

Люди не видели её. Они были пьяны — не хмелем, а злобой, той самой, что копилась месяцами. Крики, лязг железа, треск ломаемых ветвей — всё слилось в один сплошной, нечеловеческий вой.

В центре этого ада стоял Радогор.

Он отступал к дубу, пытаясь защитить его, но силы оставляли его. Каждый удар заступа, каждый взмах топора отнимали часть жизни. Кожа на лице посерела ещё сильнее, глаза потускнели, будто свет уходил из них.

— Дедко! — закричала Малуша, бросаясь вперёд.

Она расталкивала людей, проскальзывала между ними, маленькая, быстрая, незаметная. Выскочила прямо перед Радогором, раскинула руки, заслоняя его.

— Не троньте! — крикнула она. — Он правду говорит! Он вас спас!

На миг топоры замерли.

Степан, стоявший в стороне, увидел племянницу. Лицо его дёрнулось — не от стыда, от злости. Эта девчонка всегда была на стороне волхва. Всегда.

Он шагнул вперёд, схватил её за плечо и отшвырнул в сторону.

Малуша ударилась о корни, и на миг ей показалось, что мир погас. Боль пронзила спину, голову, но страшнее была пустота внутри. А когда открыла глаза — увидела небо сквозь слёзы и спину Радогора.

И кол, занесённый над ней.

Епифан стоял сзади. Тот самый, чей сын первым вонзил заступ в старый пенёк. Тот, в ком злоба переполнила чашу.

Он не видел ни Малуши, ни Степана, ни толпы. Он видел только корни. Только золото, которое ему не досталось. Только того, кто, как ему казалось, это золото прятал.

И ударил.

Кол вошёл в спину Радогора — туда, где под кожей уже не было крови, только тяжёлый, медленный сок. Звук был глухим, страшным, нечеловеческим. Будто ломали не тело, а само дерево.

Радогор не вскрикнул. Он только выдохнул — и этот выдох услышали все. Даже те, кто был далеко.

Он медленно повернул голову, пытаясь увидеть того, кто нанёс удар. Глаза его, уже мутные, встретились с глазами Малуши. На миг в них блеснуло что-то прежнее — тепло, боль, прощание.

А потом он рухнул на колени. Из раны не хлынула кровь — потекла густая, тёмная смола, пахнувшая лесом и смертью.

* * *

В тот же миг мир дрогнул.

Из самой глубины леса донёсся гул — низкий, протяжный, будто сама земля застонала. Ветер, до этого тихий, рванул с такой силой, что деревья согнулись до земли. Ветви хлестали воздух, листва взметнулась огромным вихрем.

А потом всё стихло.

Резко, будто обрезало. Ветер упал, гул оборвался, даже птицы замолчали. Тишина повисла над лесом — мёртвая, тяжёлая, давящая.

Леший ушёл. Казалось, навсегда — в самую глушь, далеко, туда, куда никто и никогда не сможет прийти.

На дальних кочках Болотник, дремавший в трясине, почувствовал — что-то ушло. Что-то большое, тёплое, что держало мир. Он спустился в самую глубь топи, в холод, в сон без сновидений.

На дне озера Глаз, в чёрной, ледяной глубине, Леля вздрогнула. Вода вокруг неё пошла рябью — впервые за много месяцев. Она не могла говорить, не могла двинуться, но сквозь сон, сквозь яд, сквозь вечность она поняла: его больше нет.

А глубоко под землёй, в каменной гробнице, что-то шевельнулось. Где-то там, в глубине, пустота стала плотнее. Страж пал, теперь осталось только ждать.

* * *

Люди замерли. Топоры выпадали из рук.

— Что... что мы натворили? — прошептал кто-то.

— Мы... мы должны помочь ему! — дрогнувшим голосом сказал молодой кузнец.

— Молчать! — рявкнул Степан.

Он стоял над телом Радогора, тяжело дыша. В глазах его плескался ужас — не от содеянного, а от того, что теперь с этим делать. Если правда выйдет наружу, если люди поймут, кого убили...

— Помочь? — переспросил он, обводя толпу взглядом. — Чтобы он очнулся и нас всех проклял? Чтобы деревья заживо нас сожрали?

Он шагнул вперёд, наступая на тёмную смолу, растёкшуюся по земле.

— Смотрите! — крикнул он, указывая на рану. — Из него не кровь течёт! Он не человек был! Он — порождение этой чащи! Мы не убийцы — мы вырезали заразу!

Слова его падали в тишину, и тишина эта была страшнее любого крика. Люди молчали, опуская глаза. Им хотелось верить. Им нужно было верить.

— Что делать? — спросил кто-то.

Степан посмотрел на чёрную воду болота, видневшуюся за деревьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.